Ержи предполагал, что Тошук пойдет по какой-то неизвестной нам тропинке, ведущей к лагерю, и решил, что если побежать лесом, а потом резко свернуть налево, то можно будет выскочить ему наперерез. Но он не учел непредсказуемости здешних троп. А к тому же – совершенной непроходимости лиственного леса. Полянка с ойтом была еще относительно вытоптана – видимо, его здесь часто собирали – но, стоило нам сойти с нее, как мы углубились в непреодолимый бурелом и хитросплетение веток. Пытаясь обойти поваленные деревья и выпутаться из кустов, мы несколько раз сворачивали, в результате чего через пять минут совершенно потеряли направление. И вдобавок выбились из сил.

- Э-э, ты не помнишь, откуда мы пришли? – спросил Ержи, виновато взглянув на меня.

Я молча вздохнул, высвобождая мой мешок с травой, который зацепился за ветки.

- М-да, забрать у нас компасы было весьма предусмотрительно с их стороны, - пробормотал Ержи, оглядываясь. – Может, покричать? Вдруг услышат…

- Давай сначала попробуем сами выбраться, а потом уж будем звать на помощь. Пока мы еще не совсем пали в глазах сабинян.

Мы наугад решили пойти в сторону какого-то просвета между деревьями. Действительно, там было меньше препятствий, но я не помнил, чтоб мы там проходили. По пути встретилась нетронутая полянка с ойтом. Нет, тут мы точно не были: мы бы ее обобрали.

- И на дерево ведь не залезть, - соображал Ержи, окидывая взглядом низенькие кривые стволы. – Интересно, а если мы совсем заблудимся, они станут нас искать? Ну, чтобы хоть выдворить из страны по всем правилам? Или мы сможем остаться тут нелегально навсегда? – он печально усмехнулся. – Непонятно даже, в какую сторону море, в какую – горы. Ничего не видно.

Я предложил присесть отдохнуть: мы ведь с самого утра были на ногах. Усевшись и прислонившись спиной к дереву, я вытянул ноги. Ержи растянулся на траве, подложив под голову мешок с ойтом. Только сейчас я понял, как устал. Впечатления последних дней постоянно держали в тонусе, но сейчас, разрешив себе расслабиться, я уже не мог подняться. Теперь я был даже рад, что мы заблудились и нас никто не видит. Я закрыл глаза. Судя по тому, что Ержи рядом не шевелился, он чувствовал что-то похожее.

Так прошло несколько минут. Внезапный накат усталости немного отпустил. Я разлепил веки и огляделся по сторонам. И тут мое внимание привлек один объект метрах в трех чуть правее меня. Точнее, это было просто бревно, поросшее мхом, как и множество таких же бревен вокруг. Но лишь с моего нынешнего ракурса бросалась в глаза его до странности строгая линейная структура. Мшистая поверхность словно распадалась на идеально ровные горизонтальные слои, что было необычно для дерева. Преодолевая страшное нежелание шевелиться, я тяжело поднялся и подошел к бревну. Действительно, с одной стороны оно было как будто разлиновано выпуклыми полосками. Сверху это было незаметно, потому что на бревне давно наросла большая кочка из дерна и мха.

- Что ты там нашел? Ягоды? – лениво подал голос Ержи, следивший за мной взглядом.

Не отвечая, я прикоснулся к замшелым линиям и попробовал просунуть пальцы в щель между ними. Они свободно ушли в глубину. Я попробовал в другом месте, потом в третьем – везде щель была очень глубока. Тогда я попытался раздвинуть ее, ухватившись обеими руками за осклизлые края. К моему изумлению, она поддалась. Хоть и с некоторым трудом, я смог приподнять кочку на пару сантиметров. Под ней приоткрылась черная полость, из которой сразу потянуло холодом и сыростью.

- Помоги-ка мне, - позвал я.

Ержи проворно вскочил и подошел к кочке.

- Ого, интересно. Давай-ка ты поднимай тот угол, а я – этот.

Мы подлезли под кочку и принялись толкать бревно вверх. Вдвоем нам удалось раздвинуть щель уже сантиметров на десять. После этого, обессиленные, мы отпустили край, и он с шумом упал на место. Я вздрогнул.

- Давай аккуратнее. Похоже, это крышка люка, который давно не открывали, - шепнул Ержи.

Вокруг никого не было, но почему-то хотелось говорить шепотом. Мы еще разок поднатужились и… опрокинули крышку вместе с кочкой назад. Перед нами чернел лаз примерно в метр шириной. Вниз вели довольно крутые ступеньки из сгнивших бревен.

- Посмотрим, что там у них? – Ержи выжидательно посмотрел на меня.

Видимо, ему не очень-то хотелось лезть в пугающую темноту люка, но любопытство одолевало, и для окончательного решения нужна была моя поддержка.

- Жаль, у нас нет фонарика…

- Есть зажигалка. Сигареты я сжег, а зажигалку оставил – хотя бы потому, что сжигать пластик в здешних экологически чистых кострах нехорошо, - ухмыльнулся Ержи. – А у них там, внизу, наверняка заготовлены масляные лампы. Помнишь, как внутри «великой китайской стены»?

Так мы называли между собой внешнюю стену. Я задумался. Вроде бы оснований отказываться не оставалось. Тем более что делать было особо нечего, разве что продолжать бесцельно блуждать по лесу. Мы сложили мешки у люка. Ержи осторожно перелез через край и встал на первую ступеньку. Затем шаг за шагом спустился на три ступеньки вниз, скрывшись почти по грудь. После этого он наклонился и, придерживаясь рукой за край, погрузился в лаз с головой.

- Пол нащупал? – поинтересовался я.

- Нет пока. Но ступеньки шире стали.

Он щелкнул зажигалкой. Но она осветила только его голову. Я заглянул внутрь: впереди у Ержи по-прежнему была сплошная тьма.

- Видимо, надо просто идти вниз. Не до центра же Земли у них лестница, когда-нибудь да закончится, - послышался его неуверенный голос.

Я полез следом. Мне было сложнее, чем Ержи: и без того слабый свет зажигалки заслоняла его спина. Я на ощупь находил скользкие ступеньки, упираясь руками в холодные земляные стены. Пройдя метра три, я оглянулся: светлый день превратился в маленький белый квадратик в потолке, и было чрезвычайно жалко его оставлять. Ержи, видимо, подумал то же самое.

- Ладно, пройдем еще метров десять, и назад, - сказал он из темноты. - А то вдруг еще ветер подует, и крышка некстати захлопнется…

В детстве я не отличался мальчишеской отвагой, и подобные спуски в неизведанные подземелья, равно как и исследования крыш и чердаков, были для меня запретным жанром. У

Ержи, видимо, с этим было получше, но и он, думаю, вряд ли решился бы полезть без напарника. Мы пару раз поскальзывались, и один раз я бы точно покатился вниз, если бы Ержи чудом не устоял на ногах и не задержал меня.

- Уфф, чуть зажигалку не выронил… Тогда бы совсем печально было.

Внешние звуки уходили все дальше. Нас окружила абсолютная тишина. Казалось, тишина и тьма стали единой вязкой субстанцией, и мы опускались в нее все глубже. Вдруг мы оба, как по команде, оглянулись: квадратик люка стал совсем маленьким. И он уже не был способен даже чуть-чуть поделиться своим светом с темнотой тоннеля: он словно пожирал свет, как черная дыра. Ержи, видимо, переборол себя, вздохнул и снова двинулся вперед.

- Ой, кажется, тут выполаживание…. Ну-ка, ну-ка… точно, ура!

В зону света зажигалки попали два толстых вертикальных бревна, будто специально поставленные в ознаменование входа в горизонтальный коридор. Видимо, они поддерживали потолок наклонного хода. Тут я не на шутку испугался: в какой-то миг квадратик света позади нас исчез. Правда, мы быстро догадались, в чем дело: он скрылся за перегибом бревенчатого потолка.

- Типа вот природу охраняют, а сколько хороших бревен извели, - пробормотал Ержи. – Из-за таких-то сверхсекретных надобностей тут вообще не осталось толстых деревьев. Одни кусты! Залезть осмотреться и то не на что.

Он осветил стены. Они были земляными, но удерживались вертикальными столбами, врытыми с шагом примерно в два метра.

- Может, в других местах есть деревья, - робко ответил я. Мне было не по себе: мы окончательно ушли от светового люка. Теперь вокруг была только тьма. – И потом, может, это все было построено давно, в самом начале существования общины. Лет тридцать-сорок назад. Под землей дождей нет, и кислорода мало, поэтому гниет медленней.

Действительно, тут было душновато.

- А построено хорошо, качественно, - приговаривал Ержи, стараясь разговорами заглушить неуверенность. – Интересно, чем это они рыли? Это ж сколько народу нужно… Впрочем, если тут все фактически рабы, но нет проблем…

- Лопатами, наверное, рыли. Только долго. Лопаты они на свою деликатесную рыбу меняют. У этого, как же его… фамилия, кажется, Нушич. Семья Нушичей. Наверное, македонцы. Давно живут около стены и сабиняне с ними традиционно сотрудничают.

Ержи, безусловно, все это знал и без меня, но мне тоже хотелось непрерывно говорить.

- Странно, пока не вижу ниш с лампами. Я думал, они у входа-то точно должны быть, - сказал Ержи, проводя зажигалкой вдоль стены.

Зажигалка работала все хуже, предвещая начало своего конца.

- Может, пора повернуть, пока она еще горит? – предложил я. – А то по стенкам-то неудобно будет выбираться…

- Погоди… Ой, смотри-ка, тут поворот. Я угол нащупал. Интересно, а у другой стены что? – Он

перевел зажигалку к противоположной стене, и мы увидели, что она тоже обрывается, заворачивая за угол. – Перекресток, выходит.

- Слушай, давай назад, - малодушно попросил я. – Если мы начнем еще и исследовать повороты, то точно запутаемся. А тут еще и зажигалка погаснет. Вряд ли нас станут искать здесь… Никто ж не знает, куда мы пошли. Может, они действительно давно этим ходом не пользуются. Так и сгинем тут в темноте.

- Хорошо, хорошо, сейчас! – На фоне моего страха Ержи почувствовал себя храбрее. – Давай пройдем ровно один метр налево, держась за стенку. Если и там ламп не найдем, то все – кончено, поворачиваем.

Он стал осторожно огибать угол, держась за бревно. Я двигался за ним шаг в шаг, борясь с желанием ухватиться за его плечо. Видимо, здесь был пересекающий коридор, потому что вдали показалось световое пятнышко. Оно росло и уплотнялось, и вскоре на его фоне замелькали человеческие тени. Судя по всему, вдалеке люди зажигали масляные лампы, потому что вокруг них становилось все светлей, а очертания теней – все четче. Но вдруг пятно закачалось, тени – тоже, и все вместе стали удалятся.

- Ага, значит, лампы все-таки тут есть! – непонятно почему обрадовался Ержи. – Надо только знать места.

- Тише! – зашептал я. – Не факт, что нам можно тут находиться. Они могут нас услышать… или увидеть наш свет.

Но тут я ошибся: как раз в этот момент зажигалка в очередной раз погасла. Ержи принялся с ожесточением щелкать колесиком, но тщетно. Видимо, горючее кончилось.

- Ну вот, теперь я окончательно бросил курить, - послышался из темноты его голос.

Он пытался запихнуть зажигалку в карман.

- К счастью, мы не успели заблудиться, - пробормотал я, хотя полная тьма не прибавляла уверенности. Свет и фигуры вдали исчезли - наверное, люди ушли за поворот. – Давай я вот так аккуратно развернусь, и ты за мной… Пойдем вдоль стенки и вернемся к лестнице.

Мы двинулись. Скоро я нащупал знакомый угол и немного приободрился. Эх, вот бы еще света!

- Слушай, а люк скоро будет виден? – спросил Ержи. - Вроде, пока туда шли, он почти до самого угла не исчезал.

- Да нет, - тяжело дыша, ответил я. – Тебе показалось. Мы сюда шли со светом, поэтому получалось быстрее. А сейчас еле ноги переставляем.

Это было верно. Но все равно люк как-то уж слишком долго не появлялся. Если считать шаги, то мы уже давно должны были его увидеть. Однако спереди, как и сзади, была сплошная тьма.

- Вот будет некстати, если его кто-нибудь закрыл…

- Уфф…

Так, спокойно, думал я. Предположим, кто-то из сабинян увидел открытый люк в подземелье и решил исправить непорядок… Но это же не страшно, верно? Мы сейчас поднимемся наверх и

вытолкнем его – он не запирается, я помню. С другой стороны, там же лежат наши мешки! Значит, тому, кто закрыл крышку, было очевидно, что мы спустились внутрь. Зачем же он это сделал? Я уже не на шутку встревожился.

- Надеюсь, они не решили нас наказать? – Ержи словно читал мои мысли.

Мы прошли уже достаточно для того, чтобы появилась лестница. И тут, когда я ожидал вот-вот нащупать ногой первую осклизлую ступеньку, моя правая рука уперлась… в пустоту. Я судорожно отдернул ее и принялся шарить по стене.

- Странное дело, но здесь поворот…

- Не может быть, мы же его не проходили!

Ержи придвинулся ко мне вплотную и ощупал стену сам.

- Точно… Фантастика какая-то. Не было этого поворота!

Я страшно растерялся. В сверхъестественное происхождение этого угла я не то что не верил, но очень уж не хотел верить. Но ведь мы все время ощущали стену! Мы не отрывали от нее ладоней! Я протянул руку вперед, в пустоту, и попытался дотянуться до какой-нибудь тверди. Я даже осмелился сделать шаг от спасительной стены, чтобы прощупать пространство подальше. Но тщетно я размахивал рукой – там не было абсолютно ничего.

- Похоже, нас и вправду наказали. И довольно жестко, - выдохнул я.

- Что будем делать?

Вариантов было немного. Оторваться от стены и искать в пустоте непонятно что – это было действительно страшно. А может, пойти назад, то есть вглубь, где мы уже были, дойти до перекрестка, повернуть, добраться до хранилища ламп? М-м, очень далеко, очень страшно, а главное – не факт, что там еще остались лампы. К тому же, нам нечем их зажечь. Сабиняне были предусмотрительны, запретив нам брать с собой зажигалки и спички, подумал я. Совершив запретное действие, мы сами заперли себя в ловушке. Теперь, чтобы проучить нас, им не надо особенно трудиться. Хлоп – закрыли крышку, и готово. Это было довольно неприятно. Я поймал себя на мысли, что уже не испытываю восторженных чувств по отношению к «сабинянскому чуду», как прежде. Надо же, как быстро, оказывается, можно разочароваться. А может, я напрасно перетрусил, и все это – просто чья-то нелепая ошибка? Нас будут искать, спрашивать друг друга, узнают про оставленные мешки, снарядят поисковый отряд… Но даже если так, это будет сильно потом. А что нам делать сейчас?

Я секунду помедлил.

- Пока мы наверняка знаем расположение только одного предмета – лестницы. Ее и надо держаться, - изрек я тоном Шерлока Холмса, в надежде так набраться смелости. – Лестница находится… э-э… впереди. То есть по ходу нашего теперешнего движения. Она никуда не могла исчезнуть. В сверхъестественное я не верю.

- Только вот куда делась стена, которую мы оба щупали?

- Не знаю. Может, мы чего-то не заметили… Короче, лестница исчезнуть не могла. И я предлагаю… просто пойти по направлению к ней, держась друг за друга.

- А если завернуть за этот угол?

- Что-то не хочется… Мы ведь не знаем, что там. И тогда вовсе потеряем ориентацию. Сейчас мы, по крайней мере, представляем расположение нескольких предметов относительно друг друга. Вот стена – мы держимся за нее правой рукой. Мы знаем, что если пойти прямо вперед, будет лестница. В конце ее находится люк. Предлагаю оторваться от этого угла и идти вперед, пока не начнутся ступеньки. Судя по всему, они должны быть уже скоро. Хотя со светом, конечно, мы шли быстрее.

- А если просто остаться здесь и подождать, пока за нами придут? – спросил Ержи, хотя явно не был уверен в таком удачном исходе.

- Неизвестно, когда это случится. А я, признаться, здорово замерз.

Я сообразил, что мне холодно, только сейчас: я услышал, как Ержи зябко трет свободной рукой свое плечо. И правда, мы же полезли в подземелье в одних футболках… Вот идиоты. Поделом нам, если что.

Ержи, подумав, тоже предпочел хоть куда-нибудь двигаться, нежели мерзнуть на одном месте. Мы сцепили наши левые руки. Я вытянул вперед правую и медленно двинулся вперед, ведя за собой Ержи. Шажок, еще один. Ержи до последнего пытался держаться правой рукой за стену. Но вот и ему пришлось отцепиться, и мы оказались в открытом космосе. Только звезд здесь не было. Я надеялся, что в конце концов глаза привыкнут к темноте и я что-то начну различать. Но увы: со мной был только голос Ержи и его рука, мокрая от холодного пота. Я возблагодарил Бога, что у меня есть хотя бы это.

- Ну что, есть что-нибудь твердое впереди? – с надеждой спросил он.

- Пока нет. Но не может быть, чтобы там была пустота. Мы не могли пропустить такого огромного провала.

- А если это богиня Сабина устроила нам пустоту?

- Ты веришь в Сабину?

- Ох, я уже не знаю, во что верить… Но это же просто необъяснимо!

Мы двигались, казалось, не менее получаса, хотя на деле прошла всего пара минут. Сколько шагов мы сделали? Наверное, не менее десяти – правда, маленьких. Но в любом случае мы не могли не заметить этот провал, когда шли сюда! А лестницы все не было.

- А может, мы куда-то не туда свернули?

- В какой момент?

- Не знаю, в любой… Вдруг у них тут за каждым столбом поворот? Может, мы не все время вели рукой по стене. На какой-то момент оторвались – и вот тебе, случайно угодили в другой коридор. И давно идем уже не к лестнице, а куда-то вкось…

Мне это казалось маловероятным, но никакого иного объяснения в голову не приходило.

- Слушай, а может, нам просто покричать? Вдруг услышат? – предложил Ержи.

Пожалуй, опасность заблудиться была пострашней риска быть обнаруженными. К тому же,

если люк захлопнули специально, то о нас все знают и терять уже нечего.

- Эй! – закричал я как можно громче.

Получилось глухо и сдавленно; эха не было. Либо мы в очень узком помещении – то есть в еще одном коридоре, в который непонятно, как попали, либо… пространство и вправду обрушилось, и мы - в космической пустоте. Впрочем, кислород все же есть. И твердая земля под ногами. Слава Богу, хоть что-то. Уже не космос. Хотя гробовая тишина заставляла в ужасе предполагать все, что угодно.

Я крикнул еще и еще; Ержи вторил еще громче, но наши жалобные призывы поглощались тьмой. Вдруг боковым зрением я заметил – нет, даже не объект, а словно иную разновидность темноты справа от меня. Забыв о необходимости держать направление, я повернулся и сделал два шага в ту сторону. Новая область проявилась четче, и я понял, что это свет! Очень слабый, он шел издалека и как будто из-за какого-то препятствия. Уже разучившись замечать черное, мы вновь увидели его по контрасту с призрачным серым лучом.

- Там что-то есть! – воскликнул Ержи. – Может, выход?

Ускорившись, мы двинулись к свету. Я увидел – мы показалось, что это было впервые за много дней, хотя мы пробыли в подземелье не более часа – очертание своей вытянутой руки. Действительно, это был свет! Он становился все гуще, разгоняя тьму. Он и вправду вытекал из-за какой-то стены: с одной стороны чернота перечеркивала его ровной линией. Если это стена, то за ней, наверное, наш коридор и лестница! Мы почти бегом устремились вперед. Добежав, я ухватился за край стены – он был такой же холодный и сырой, как и все стены здесь, но как же я был счастлив до него дотронуться! – и выглянул за угол. И тут я остановился, как вкопанный. Впереди, в нескольких шагах от меня маячило что-то вроде голубого окошка… и я знал, что это за окошко, просто я не мог в это поверить, потому что его тут не должно было быть… Это был экран компьютера!

- Ого, ничего себе, так вот они у них где! – раздался у плеча голос Ержи, который раньше меня поверил своим глазам. – Ну да, логично, они их в подземелье прячут.

Вдруг из-за облачка голубого света, окружавшего экран, возникло еще одно – на сей раз теплое, желтое и мерцающее. Я различил пальцы, державшие ручку масляной лампы. Потом – руку, которой принадлежали эти пальцы. И наконец, когда лампа подплыла ближе, я увидел буквы… на футболке! И сразу узнал их.

- Тошук, это вы?!

- Ну наконец-то, - послышался в ответ голос. Тошук поднял лампу выше, и мы разглядели его лицо. – Я гадал, как быстро вы сюда дойдете, и решил пока залезть в сеть. Но вы довольно быстро пришли.

- Как мы могли промахнуться? Не понимаю! – воскликнул Ержи. – По пути сюда этого компа не было!

Тошук повозился и зажег еще две лампы. Стало светлей. Мы увидели маленькую комнату - точнее, еще один коридорчик, вдоль стены которого стояло не меньше трех компьютерных столов. Включен был только один, и на экране я заметил интерфейс известной социальной сети. Я почувствовал, что не видел его лет сто, такими страшно далекими показались мне рисунки и значки.

- Все правильно, не было, - сказал Тошук. – Потому что, когда вы шли вперед, дверь из главного коридора сюда была закрыта. А потом я ее открыл, чтобы вам удобнее было меня найти.

- Ничего себе удобнее! – возмутился Ержи. – Да мы чуть со страху не померли. И от холода…

- Должен заметить, вас никто не просил лезть сюда, - сухо промолвил Тошук, доставая что-то из стенной ниши.

Он протянул нам по толстому мягкому свертку, которые при ближайшем рассмотрении оказались сложенными одеялами. Мы принялись с жадностью в них кутаться. Затем он вытащил из-за соседних компьютерных столов табуретки и поставил перед нами. Лишь опустившись на сидение, я понял, как устали мои ноги. Я сразу принялся путано оправдываться, но Тошук махнул рукой.

- Ладно, оставьте. Просто из-за вас я пропустил обед. Теперь придется довольствоваться холодной кашей. Вы упорно не хотели вылезать из кустов – там, около женского дома. Я не стал вам мешать, но вы вместо возвращения на стойбище предпочли залезть в подземелье…

- Гм, вы хотите сказать, что видели нас? – смутился Ержи.

- Да вас все видели, - усмехнулся Тошук. – Не понимаю, какой был смысл кормить комаров в кустах.

- Ну, мы думали, что там какие-то интимные свидания… правда, почему-то массовые. И поэтому не решались выходить… Кстати, а что вы там делали?

Бестактность Ержи так ошеломила меня, что я не успел ничего сказать. К моему удивлению, Тошук и бровью не повел.

- Как вы верно заметили, там происходили свидания. И я тоже принимал участие в одном из них.

Мы озадаченно умолкли.

- Э, вы хотите сказать, что у вас есть …подруга среди сабинян? – наконец осмелился спросить Ержи.

- Можно сказать и так.

- Ничего себе, - оглянулся на меня Ержи, ища поддержки. - А мы думали, что тут с этим строго!

- С чем именно строго?

- Ну, во-первых, никаких интимных контактов с иностранцами. И потом… со стороны кажется, что тут эдакая пуританская коммуна, строгие моральные традиции и все такое. И вдруг – свидания среди бела дня, да еще и в массовом порядке!

Тошук отвернулся, поводил мышкой по экрану и стал неторопливо объяснять.

- Тут еще более пуританские нравы, чем вы думаете. – Он принялся набирать сообщение. – Большинство пар, которые вы сегодня видели – это супруги…

- Супруги?!

- Да. Здесь интимная жизнь строго регламентирована. Чтобы встретиться со своей женой, мужья специально приходят в построенные для этой цели дома – вот как этот – где их ждут жены. Соответственно, жены приходят сюда, если также желают близкого общения с супругом.

- Интересно, а если у них желания не сходятся? – перебил Ержи. – Ну, например, бедняжка жена сидит в своем скворешнике день-деньской, а муж ее игнорирует и не приходит…

Он осекся, потому что Тошук повернулся и пристально посмотрел на него.

- Близкие люди знают желания друг друга, у них не может быть несовпадений, - наконец ответил он.

Мне показалось, его лицо стало грустным.

- Но… получается, они занимаются этим чуть ли ни при всех… Там же все слышно! Перегородки – тряпичные.

- Ну и что, что слышно? Любящим людям не интересно, что кто-то кого-то любит рядом. В этот момент они думают только о себе и о своем любимом.

- Но почему сабинянам запрещается встречаться с женами всегда, когда вздумается? – не мог успокоиться Ержи. – Ведь это же страшный тоталитаризм. Признаться, я такого себе даже представить не мог. Такого даже в антиутопических романах нет! Ведь есть же здесь время отдыха, после работы там… Почему людям запрещают уединиться в лес, чтобы побыть вдвоем? Это же жестоко! Зачем жрецы накладывают лапу на свободу любви?

Я не ожидал от Ержи такого пафосного выступления. Но, впрочем, повод того стоил. Сам я обескуражено молчал.

Тошук вздохнул.

- Почему на свободу? Если кому-то это не нравится, они могут уехать… Только это уже будет навсегда. – Он нажал на кнопку мыши; видимо, отправил сообщение. – К тому же, всем известно, что искусственная разлука только разжигает чувства…

- А, так вот в чем дело: жрецы таким образом культивируют любовь! Как это я сразу не догадался?

Ержи был так озабочен, словно это ему не давали вволю видеться с женой.

- И потом, - продолжал Тошук, словно не слыша, - супругам никто не запрещает встречаться и общаться, разве что без близости и слишком нежных жестов – поцелуев там, объятий. Если, конечно, они не отправлены на работы в разные места. Впрочем, и в этом случае размеры страны позволяют быстро добежать до женского дома, находящегося между двумя лагерями, и насладиться обществом друг друга.

- Ах, ну да, понимаю: секс для них – это награда за беззаветный труд. Здорово жрецы придумали! Талантливые люди, я гляжу!

- Не буду спорить, так оно и есть, - сказал Тошук. – Если посмотреть на дело иначе, то в Сабинянии как раз воспроизведена модель абсолютной свободы отношений. Здесь люди, вступившие в брак, вовсе не гарантируют себе ежедневного права обладания партнером. Это

право нужно еще заслужить. Нужно, чтобы жена или муж изо дня в день, снова и снова выбирали друг друга. Чтобы он и через неделю, и через год так же хотел бы ласкать тебя, как и сейчас. Если любовь жива, то супруги встречаются. Если нет – они не встречаются. Никакой обязанности имитировать угасшие чувства у них нет.

- А что происходит с теми парами, чья любовь угасла? – спросил я. – Разрешены ли разводы?

- Конечно. Какой смысл сохранять символ любви, которой больше нет? В нашем с вами мире брак необходим для регулирования прав на имущество. Но здесь нет имущества.

- Но… Не превращается ли это просто в свободный секс? Сегодня – люблю одного, завтра – другого. Как это сочетается со строгостью сабинянских нравов?

- Очень просто, - ответил Тошук, отвернувшись от экрана. – Для того, чтобы иметь право регулярно делать выбор в пользу одного и того же человека, нужно вступить с ним в брак…

- Ясно, - опять перебил Ержи. – Получается, здешний брак – условие необходимое, но недостаточное для секса, я правильно понимаю? Первая, так сказать, ступень к брачному ложу?

- Если очень грубо, то да. Кроме того, женский дом традиционно используется для общения с целью просто завязать отношения. Как ты верно заметил, - он кивнул мне, наконец-то перейдя на «ты», - тут действительно очень строгие нравы. Просто так флиртовать, в не отведенных для этого местах – нельзя. Женский дом – это место для отношений на любой стадии, если уж говорить нашим языком. Хочешь познакомиться с девушкой поближе – подкарауливаешь ее у женского дома, когда она там ночует, и пытаешься понравиться. Хочешь побыть с женой – приходишь к женскому дому, когда она там, и тоже пытаешься понравиться… вот так.

- А если женщина хочет познакомиться? Ей к какому дому приходить нужно? Женщинам вообще разрешено проявлять активность? Или скорбно ждать, пока твой возлюбленный по удивительному совпадению из тысячи женщин выберет именно тебя?

- Почему ждать? Она может намекнуть, а то и прямо назначить свидание у женского дома… А вообще я не вижу смысла в вашем замечании. Разве в нашем мире женщины часто делают первый шаг сами? Разве, как вы верно заметили, они не скорбно ждут и надеются, пока избранник их заметит? Ну, не знаю, может, в каких-нибудь США женщины начинают ухаживать первыми… Но сдается мне, что так оно только в дурных голливудских комедиях. Короче, здесь представлены те же варианты женского влюбленного поведения, что и везде. Кто-то ждет внимания, кто-то предлагает себя первой…

- И все-таки, я не понимаю насчет жены, - продолжил Ержи. – Получается, ее всякий раз завоевывать нужно заново? Ничего ж себе! Не слишком ли много забот?

- Это не вменяется мужьям в обязанность, - улыбнулся Тошук, - но по факту так частенько и получается. Так как возможности для физической близости здесь ограничены, и все связаны с законной супругой, то ты волей-неволей будешь всякий раз стремиться ей понравиться. В отличие от наших рутинных браков, где мужья и жены рано или поздно приедаются друг другу из-за постоянного пребывания вместе, здесь свежесть чувства гарантирована. Ведь мало того, что для интимной встречи обоим нужно одновременно оказаться там, где есть женский дом…

- Точнее, дом свиданий, - язвительно вставил Ержи.

- …так нужно еще, чтобы жена тоже захотела встретиться там с тобой. Чтоб была рада тебе,

пригласила в свою комнату и т.д. Надавить не получится: вокруг полно людей.

- Честно говоря, мне кажется, что роман «Мы» Замятина – это праздник индивидуализма в сравнении со здешними порядками, - не выдержав, заявил я. – А полпотовские крестьяне по сравнению с Сабиняниеей вообще жили, как старосветские помещики… Разве что их частенько жестоко убивали, чего здесь мы пока не наблюдали…

- Но это пока! – добавил Ержи.

- Тем не менее, такой уровень обобществления частной жизни мне кажется чудовищным.

- Что именно чудовищно – добиваться любви собственных жен? – усмехнулся Тошук.

- Встречаться с женами по расписанию. Да если бы хоть по расписанию – а то ведь тогда, когда захотят жрецы! Ведь от них зависит, окажутся ли муж с женой в разумной близости от женского дома, где можно встретиться. И потом - заниматься сексом практически у всех на виду! Это убивает саму идею личной жизни.

- Что ж, я не настаиваю. Ты сам хотел узнать Сабинянию поближе, и вот ты узнал.

- Да уж. Такого я бы не заподозрил даже в страшном сне.

- Значит, ты сможешь обогатить представления внешнего мира о сабинянском общественном устройстве, когда вернешься. Впрочем, ты можешь начать уже сейчас – вот компьютер. Хотя я бы все же предложил двинуться в лагерь, потому что тоже здорово замерз здесь.

- Отличная мысль, – подхватил Ержи. – Если подумать, то какая разница, как они тут друг друга любят? Это их выбор. Захотят – уедут отсюда навсегда. Если не уезжают – значит, все устраивает. И вообще, все это здорово напоминает феминистский рай. Типа право решения принадлежит женщинам, а все мужики за ними бегают… Ха-ха, узнали бы наши фемо-активистки о здешних порядках, возопили бы от счастья. Вот так способ отомстить мужчинам!…

Тошук тем временем запустил выключение компьютера. Я заметил, что операционная система была не нова – не моложе «Виндоус-7». Ну хоть что-то реалистичное! Хотя я уже готов был не удивляться жрецу с 12-м «Айфоном» в руках.

- И все-таки мне трудно поверить, что здесь не бывает нарушения режима, - продолжал Ержи. – Естество-то не задавишь. Положим, твоя жена тебя любит и ждет по разным женским домам, но тебе она давно надоела. Ведь может быть такое? Несоответствие желаний? Ну а ты, в свою очередь, полюбил другую. И другая, положим, отвечает тебе взаимностью. Что тогда? Что ты будешь делать?

- То же, что и в нашем мире. Эти ситуации невозможно регламентировать. Люди любят, перестают любить, страдают. Выход каждый ищет сам. Одно могу сказать – расстаться с нелюбимым человеком никто не запрещает.

Я вспомнил лица мужчины и женщины, ласкавших друг друга перед тем, как попрощаться. Какими любящими были их глаза! Они готовы были раствориться друг в друге. Но муж уходил. Почему? Может, их направили на работы в разные концы страны? Черт возьми, если так, то это действительно жестоко!

Мы все не решались расстаться с теплыми одеялами. Заметив это, Тошук разрешил нам идти

прямо в них. Он аккуратно расставил все по местам, выдал нам по лампе, себе зажег еще одну, и мы двинулись. Вскоре свет ламп осветил дверной проем.

- Неужели это и есть та открытая дверь? – удивился Ержи. – А впотьмах казалось, что мы целый час после нее плутали!

- Вообще-то это другая дверь. Мы сейчас идем в противоположную сторону. Тот люк давно закрыли, и ваши мешки отнесли в лагерь. Да и нет смысла туда возвращаться: до лагеря мы дойдем более короткой дорогой.

- Да уж, тут надо уметь ориентироваться, - сказал Ержи. – Сразу видно, что вы тут не первый раз. И жили, наверное, подолгу.

- Чтобы изучить подземелье, достаточно нескольких дней, - коротко возразил Тошук через плечо.

- Позвольте еще спросить по теме нашего разговора… - Как я ни старался, у меня не получалось говорить ему «ты». - А как решается вопрос с детьми, если семьи практически не живут вместе?

- Дети находятся попеременно то с отцом, то с матерью. И впрямь, как заметил Ержи, тут феминистский рай… Никакого регламента в выборе местожительства ребенка нет. Но мальчики с определенного возраста чаще находятся с отцами, и это естественно. Они учатся у них специфическим мужским навыкам, воспринимают мужскую модель поведения и т.д.. Маленькие дети, конечно, находятся в женском коллективе. Но отцам никто не препятствует участвовать в их воспитании.

Вдруг стены по обеим сторонам коридора оборвались в темноту. Похоже, мы дошли до очередного перекрестка. Одновременно слева из-за угла послышался легкий шорох. Мы немного замедлили шаг. Шорох, нарастая, превратился в шлепанье нескольких пар ног. Вскоре встречный коридор осветился колеблющимся светом ламп, а следом показались несколько фигур в обмотках. «Похоже, солдаты», - мелькнуло у меня в голове. Одна из фигур как будто повернула голову в нашу сторону. Несомненно, сабиняне увидели нас, но, не обратив внимания, прошли дальше направо. Вскоре звук шагов истаял в тишине. Мы вступили на перекресток, и я посмотрел по сторонам. Справа колыхалось световое пятно с неясными силуэтами только что ушедших людей. Слева вдали я тоже заметил свет и тени на его фоне. Видимо, еще раньше кто-то ушел этим коридором в другую сторону.

- Ого, да тут прямо Бродвей, - шепнул Ержи. – Трафик не меньше, чем наверху. Кстати, я хотел спросить вас, – он обратился к Тошуку, – почему вы так внезапно покинули нас вчера? Признаться, мы были немного удивлены. Вы даже не попрощались.

- Кажется, я не подписывал с вами договор об экскурсионном сопровождении, - шутливо ответил Тошук. – Но, если угодно, я спешил на свидание.

- А, тогда понятно.

Мы миновали перекресток и пошли дальше, но метров через пятьдесят наткнулись на еще одну развилку. Здесь пересекались сразу три коридора, причем между ними не было ни одного прямого угла.

- Ох, будь я здесь один, я бы точно застрял и умер с голоду, - заметил Ержи.

Я был того же мнения о своих возможностях, но предпочел поговорить о другом.

- Тошук, а как осуществляется прием интернет-сигнала? Если это, конечно, не тайна.

- Не тайна. Антенны находятся на поверхности, закомуфлированы в кустах и под корягами. Из космоса, надеюсь, они не видны. Как и солнечные батареи, от которых питаются компьютеры. К ним протянуты провода.

- Должно быть, потребовалось много проводов и всяких прочих запчастей, - сказал Ержи. – Как все это раздобыли? Неужели все на рыбу выменяли?

- Я при этом не присутствовал, но думаю, что да. На самом деле, техники здесь не так уж много. Меня всегда больше изумляло количество труда, потраченного на строительство самих подземелий.

- Ну, тут же столько безропотных… если не рабов, то на все согласных работников. К тому же, если строить начали пятьдесят лет назад, то времени было достаточно.

Мы дошли до нового перекрестка, теперь уже вполне перпендикулярного. Тошук сделал знак остановиться.

- Погодите, пропустим встречное движение.

Действительно, из-за угла доносилось множество шагов. Я выглянул. В свете ламп к нам приближалась довольно внушительная колонна людей. Первым я узнал парня с пучком волос на голове – утром он купался в ручье вместе с Тимом. Теперь у него на спине был привьючен большой мешок, и он шел, сгибаясь под тяжестью. Рядом шагал еще один мужчина, которого я запомнил по первому лагерю. Оба заметили нас, но никак не отреагировали, деловито спеша вперед. За ними прошло еще несколько человек, знакомых и незнакомых, и вдруг… я увидел Ченга. Он двигался вперед с крайне серьезным лицом, держа лампу на вытянутой руке. Поверх футболки – видимо, для утепления – был намотан плед. Едва скосив глаза в нашу сторону, он невозмутимо продолжал свой путь. После него, еще через пару человек, шел Тим. Он было повернул лицо в нашу сторону, но тут же снова отвернулся. За ним прошли еще трое парней, и коридор снова накрыла темнота.

- Странно, они как будто не узнали нас… - пробормотал я.

- Я бы сказал, что они как будто постеснялись узнавать, - добавил Ержи. – Или, что того странней, что им запрещено узнавать.

- Как так?!

- Ну, например, их в наше отсутствие уже зомбировали, и они стали, как все здешние рабы. А, каково? – Ержи рассмеялся, но было заметно, что ему не по себе от такого предположения.

- А почему, в таком случае, никто не зомбировал нас?

- Откуда ты знаешь? Может, мы тут уже…

- Гм, может, мы все-таки пойдем дальше? Разговаривать можно и на ходу, – напомнил Тошук.

Мы все еще стояли перед перекрестком.

- Нам налево, - он качнул лампой.

Еще раз посмотрев вслед ушедшим, мы повернули вслед за ним.

- А может, они ждали, чтобы мы на них отреагировали, а мы промолчали, - рассуждал Ержи. – И они, в свою очередь, решили, что с нами что-то не так. Но что они вообще здесь делают? Они же вроде остались там, на этом, как же его… на Трех Ручьях.

- Может, им тоже предложили прогуляться до другого лагеря, и они с радостью согласились, - сказал Тошук. – Ведь они, как и вы, хотели посмотреть всю страну. Зачем же сидеть на одном месте?

- Выходит, они вышли из Трех Ручьев вскоре после нас, раз уже успели сюда, - размышлял я. – Как быстро тут принимаются решения, однако. Заранее никто ничего не знает.

- Может, они и знали, да не сказали, - сказал Ержи. – Боялись, что ты с ними напросишься. Но главное - это лишний раз доказывает, что вся их страна изрыта тоннелями. Наверняка по большей части они бегают между стойбищами под землей, по короткому пути. А сверху ходят для отвода глаз, чтобы спутники обмануть.

Мы долго шли прямо, никуда не сворачивая. По пути все время встречались перекрестки и отвороты, и там мы часто видели людей. Они шли во всех направлениях – налево, направо, параллельно нам по другим коридорам. Однажды группа незнакомых сабинян прошла навстречу. Все шли молча, словно это было обязательным правилом передвижения по подземелью. Никто не оглядывался и не приветствовал Тошука, хотя я был уверен, что его тут многие знают. Один раз, когда мы пересекали развилку, слева в пятидесяти метрах я увидел еще одну, освещенную лампами. Там проходила небольшая группа людей, среди которых я заметил несколько длиннополых светлых одежд. Кажется, у их обладателей были бритые головы.

- Жрецы, - шепнул я.

В этот момент блеснул свет справа. Оказалось, что там был еще один перекресток, и тоже шли люди.

- Здесь все непрерывно куда-то идут, - пробормотал Ержи.

Мы пошли дальше, и световые пятна по бокам скрылись. Пройдя метров сто, мы свернули направо. Вдали снова мелькнули лампы – видно, там был еще один перекресток. Все передвижения здесь сопровождались полной тишиной, разве только совсем рядом с проходящими слышалось шлепанье шагов. На сей раз люди шли навстречу. Тошук дал знак, и мы выстроились вдоль стены, чтобы пропустить их в узком коридоре. Это оказались женщины. Впереди шла Сэн, моя знакомая по первому лагерю. За ней двигалась девушка, которую, кажется, звали Снип – Треххвостый говорил, что она пишет стихи по-французски. Обе опять прошли молча, не поворачиваясь к нам и не здороваясь. И вдруг вслед за ними появилась Йоки, неловко держа лампу на отлете. Она уже почти прошла мимо, не взглянув на нас, как вдруг Ержи негромко позвал ее.

- Привет! Что не здороваешься?

Йоки остановилась и медленно повернула к нам голову. Мне стало жутко. Но она лишь окинула нас взглядом, кивнула и пошла дальше. Звук шагов постепенно удалился, а мы все также стояли вдоль стены, не двигаясь. Тошук молчал.

- Э-э, простите, я сделал что-то не то? – неуверенно спросил Ержи.

- Вообще-то тут стараются не разговаривать в подземельях. Такая традиция. Пойдемте дальше.

Мы прошли еще немного вперед, и я заметил справа дверь. Таких дверей я видел уже две или три, но они были закрыты и я, конечно, не решился к ним прикасаться. Но эта была приоткрыта – совсем чуть-чуть, сантиметра на три. Но этого было достаточно, чтобы увидеть льющийся изнутри слабый свет. Я инстинктивно заглянул в щель. Мне показалось, что я заметил пару светящихся голубых оконец.

- Похоже, там тоже компьютерный кабинет, - сказал я на ухо Ержи.

- Тогда неудивительно, что сюда такой наплыв народу, - отозвался он. – Спешат, небось, в интернете посидеть.

Пройдя еще немного, мы снова свернули налево. Здесь уже не было ни дверей, ни компьютеров, а вдоль стены потянулись небольшие ниши. В слабом свете ламп казалось, что внутри сложена какая-то утварь. Но поднеся лампу ближе, я невольно вскрикнул: на меня глядели пустые глазницы двух черепов!

- Боже, а это еще что за хоррор?! – вздрогнул Ержи.

- Эх, забыл вас предупредить, что мы пойдем мимо кладбища. Не бойтесь, все хорошо. Просто, чтобы не занимать место на поверхности, усопших хоронят в подземелье, в таких вот нишах.

- Прямо так и кладут? И они тут разлагаются?

- Нет, конечно. Сначала умершего сжигают на костре. А потом останки помещают сюда. Причем скелет разбирают и складывают компактно, чтобы он занимал поменьше места.

Я с опаской осветил нишу. Она была выложена внутри камнями. В глубине были сложены две аккуратные кучки из костей, прикрытые, как домиком, дугами ребер. Перед каждой кучкой стоял череп, глядящий своими черными дырками на коридор.

- Жуть… - пробормотал Ержи. – И они тут спокойно гуляют, туда-сюда. В интернет заходят, в соцсетях переписываются. А на них этак ласково смотрят их мамы и папы.

- Наверное, если места на поверхности не хватает, то смириться с этим зрелищем легче, чем кажется, - предположил я, хотя не был уверен, что сам смог бы смириться.

Мы долго шли по «кладбищенскому» коридору, и парад мертвых все не кончался. Стоило мне понадеяться, что это последняя ниша, как свет лампы Тошука выхватывал их темноты новый череп. Вдруг спереди справа послышался топот ног, на сей раз громче обычного. Мы остановились. Через секунду из невидимой прежде отвилки показался свет, а за ним в наш коридор вбежал молодой стриженый парень. Он держал лампу близко от лица, поэтому я смог его разглядеть. Быстро оглянувшись на нас, он повернул и побежал вперед. За ним выскочил еще один, затем еще и еще. Теперь я был точно уверен, что это солдаты, хотя оружия при них не было. Неожиданно я узнал Сота, который вчера помогал нам преодолеть кордон. За ним следовал его немногословный товарищ. Заметив нас, они чуть притормозили и, как мне показалось, Сот даже едва заметно кивнул. После него пробежало еще человек пять; как минимум двое показались мне знакомыми. Наконец, группа закончилась: остались лишь колеблющийся отсвет впереди и замирающий топот. Однако, стоило нам двинуться следом, как в коридор снова ворвались свет и шум – на сей раз слева. Оказалось, впереди была не отвилка, а полноценный пересекающий тоннель, и из его левой части тоже высыпали солдаты. Мельком оглянувшись на нас, они бросились догонять предыдущий взвод. Мне показалось, я узнал

одного парня из группы Треххвостого, которого видел вчера на тропе. По-моему, это был тот самый Чит, который решил сложную математическую задачу и которому за это дали премию, которую он не взял. Не успел я подумать, что хорошо было бы встретить здесь и самого Треххвостого, как вдруг в круге света и впрямь появилась знакомая хвостатая тень! Он ничуть не удивился, заметив нас; как будто нарочно знал, что мы здесь встретимся. Крикнув своим товарищам что-то отрывистое, он чуть приотстал.

- Тчеррлхх, - услышал я из уст Тошука.

- Хрлцвт успррц! – произнес Треххвостый и поспешил догонять группу.

- Что это за суета у них? – спросил Ержи, когда звуки удалились и в коридоре восстановилась тишина. – Надеюсь, не война началась?

Тошук не сразу ответил; он казался погруженным в размышления.

- Слава Богу, нет. Просто на горном участке стены была попытка проникновения – скорее всего, какие-то туристы, любители острых ощущений. Попытка были отбита, но в процессе один из этихтуристов был легко ранен. Солдаты бегут туда для усиления охраны. А то вдруг власти страны, откуда происходит раненый, сочтут это удачным поводом для «симметричного ответа»…

- И все это он передал вам одним коротким шебуршанием? – недоверчиво спросил Ержи.

- Нет. Большую часть этой информации я знал еще до того, как мы здесь встретились. Я не зря сидел в интернете.

- Господи, надеюсь, что ничего страшного не произойдет, - услышал я свой испуганный голос.

- Я тоже на это надеюсь. На самом деле, подобные инциденты случаются регулярно. Помнишь последний случай, когда несколько пловцов в неопреновых костюмах пытались сделать вид, что им нужно срочно «спастись» на сабинянском пляже? Пару месяцев назад. Ты тогда тоже участвовал в обсуждении.

- Но это же было совсем другое. Их окружили и мягко выдавили. Нет, они потом, конечно, жаловались, что изнемогали от усталости, что жестокие парни с косами чуть их не утопили. Но в это мало кто поверил, кроме заклятых врагов Сабинянии: «туристы» оказались профессиональными пловцами, и расстояние, которое они преодолели, ничего им не стоило. Вобщем, обычная попытка самопиара на сабинянской теме. Но здесь – ранение…

- Тот идиот, который два года назад сломал себе обе ноги, после того как его сбросили со стены, куда он пытался забраться – вобщем-то, тоже вполне себе ранение, - возразил Тошук. – Хотя ты прав, зрелище крови на изнеженном тельце «мирного туриста» - это не самый удачный видеоряд для Сабинянии. Особенно если это какая-нибудь несчастная мать, которая «просто хочет, чтобы ее дети дышали чистым воздухом». При том, что мест с абсолютно таким же чистым воздухом по всему миру, слава Богу, пока еще достаточно. Но им нужен именно сабинянский воздух. Короче, это просто желание во что бы то ни стало попасть туда, куда не пускают, - в сердцах добавил он. – Да еще и задешево сделаться героем теленовостей.

Мы снова зашагали молча. Кладбище все не кончалось. Один раз Тошук остановил нас около одинокой ниши на противоположной стене. Мы уже не раз проходили такие. Там были сложены лампы, одеяла, еще какая-то утварь и стояли бутыли с маслом. Из них-то Тошук и пополнил запас горючего в наших лампах. Я было хотел снова расспросить Тошука про

погребение усопших, но Ержи меня опередил.

- Знаете, у меня такое ощущение, что мы идем в гору. И даже потолок, - он поднял руку с лампой повыше, - чуть-чуть уходит кверху.

- Так и есть, - равнодушно ответил Тошук. – В той стороне – горы. Рельеф местности поднимается, и подземные ходы – тоже.

- И, похоже, тут уже долбили прямо в камне, - Ержи потрогал рукой стену. – Вот уж впрямь каторжный труд. Как рабы в римских каменоломнях.

- Спасибо, ваша позиция мне уже известна, вы можете не напоминать о ней каждый час, - сказал Тошук раздраженно, но сразу взял себя в руки. - Откуда вы знаете, кто и каким образом это строил?

- Ну конечно, они это делали на искреннем энтузиазме, как строители первых пятилеток в СССР, - прошипел Ержи. – Это часом не их черепа рядом лежат, а? Чтоб далеко не ходить, прямо тут и складывали.

Тошук резко остановился.

- Слушайте, мне кажется, вы свою экскурсионную программу уже выполнили, - проговорил он, едва сдерживаясь. – Вы узнали все, что вам хотелось – что здесь рабовладельческий ад и тоталитарная секта. Мне кажется, вам больше нет смысла здесь оставаться. Я попрошу, чтобы вас завтра же вывели…

- Стойте, ладно, я все понял! – Ержи сразу обмяк. – Я несдержанный, простите. Впредь буду работать над собой, ей-богу. Меня просто потрясли эти черепа и объем работы по строительству тоннелей… Я никак не могу себе это все рационально объяснить. Прошу вас, не говорите никому об этом… о моем срыве! - Он жалобно посмотрел на Тошука.

- Об этом и о других ваших особенностях тут и так все знают, - вздохнул Тошук, но, как мне показалось, с облегчением. – Решение принимаю не я. Если руководство решит выдворить вас – так и будет. Но пока, как видите, к вам снисходительны. Уж не знаю, почему… Прошу простить и меня тоже, - добавил он уже другим тоном. – Весть об инциденте на границе меня слишком взволновала. Впрочем, помочь делу мы пока все равно ничем не сможем, поэтому лучше не говорить об этом.

Мы снова замолчали. Коридор все сильней забирал вверх, и в какой-то момент ровный каменный пол превратился в ступеньки. Мне снова показалось, что впереди слышен какой-то топот. Однако нам не довелось выяснить, кто был ему причиной, потому что на ближайшем перекрестке Тошук свернул влево. Здесь пол снова стал горизонтальным, а через некоторое время начал плавно спускаться вниз. Оглянувшись, я заметил, что могильные ниши закончились.

- А почему погребения не подписаны? - наконец решился я. – Нет никаких табличек с именами. Ведь, наверное, трудно запомнить, где могила твоего родственника. Скелеты все одинаковые.

- Они не пытаются это запоминать, потому что это не нужно. Какая разница, какой скелет при жизни составлял каркас земного тела твоей матери или отца? Все равно скелет – это не мать и не отец.

- Странно, такое ультрарациональное отношение к останкам… Но тогда почему просто не

сложить их в общую кучу и не закопать? Уж если на то пошло, это позволило бы выгадать много свободного места. Строить для каждого отдельную нишу – это, мне кажется, слишком большие усилия для костей, которые не предполагается даже идентифицировать…

Я вдруг испугался, что сказал лишнее, потому что Тошук долго не отвечал. Однако, взглянув на него, я понял, что он просто задумался. Наконец он ответил.

- Понимаешь, здесь оказывают уважение останкам, но как умершим вообще, а не конкретно умершему Тойту, Мше или Ребу. Это я называю моих хороших знакомых, недавно погребенных здесь…

- А сколько им было? – вырвалось у Ержи, но он тут же смущенно замолк.

- Тойт был пожилым, примерно ровесником Теше, который нам дверь открывал. Мше еще не было сорока. Хорошая была женщина, - задумчиво сказал Тошук. – А Реб был почти мальчишкой, шестнадцать лет. Не успел даже в отряде послужить. А так мечтал. Тренировался вместе с нашими спецназовцами. Те ему позволяли – славный был паренек, светлый такой. Всем нравился. Мы с ним столько о книгах проговорили! Представляете, к его возрасту уже всего Достоевского перечитал. Но потом какая-то инфекция – и сгорел за три дня.

- Может, грипп? – тихо спросил Ержи. – Я слышал, что если его не лечить, то можно и помереть. В Европе, говорят, раньше умирали.

- Может.

- Подумать только – ведь будь здесь лекарства, его могли бы спасти! – воскликнул Ержи. – Нет-нет, я все понимаю, я знаю, меня выдворят. Но я просто не могу это спокойно слушать!

Как ни странно, Тошук отреагировал совсем иначе, нежели раньше.

- Это естественно, что вам его жаль, - сказал он мягко. – Мне его тоже очень жаль. Но здесь считается, что его смерть была угодна богине Сабине. Ведь все так или иначе умрут. С точки зрения богини, порядок смертей не столь важен.

- Но ведь порядок смертей важен для живых, - не выдержав, сказал я. – Тойт был по местным меркам глубоким стариком. Его жизнь и так подходила к концу. Мша, хоть и не была старой, уже успела, наверное, вырастить детей. А жизнь Реба только-только начиналась. У него были родители, которые, наверное, мечтали увидеть его настоящим героем, умелым воином. А вместо этого он умер, и они даже не знают, где его кости…

Я умолк.

- Главная особенность сабинян – это величайшее смирение, - ответил Тошук. Мне показалось, что никогда до этого его голос не был таким тоскливым. – Я сам до конца не понимаю, как это возможно. А также – нужно ли это. Но факт, что это удивительное общество существует уже много лет и, вполне возможно, что без смирения оно бы не выжило.

- Тошук, простите за очередной цинизм, но, может, все дело в нежелании перенаселять страну? – робко спросил Ержи. – Если бы они завезли антибиотики и все такое прошлое, то люди перестали бы умирать раньше 80 лет. Но где бы они тогда всех разместили? Пришлось бы насильно выдворять часть народу во внешний мир. И как бы они решали, кого выгнать, а кого оставить?

- Наверняка и этот фактор принимается в расчет. Это печально, но высокая смертность – единственный способ существования замкнутого сообщества на ограниченной территории. А еще это единственный способ сохранить генетическое здоровье маленькой популяции – то есть путем отбраковки слабых. …Не подумайте, что мне очень нравится так говорить, - сказал он, повысив голос. - Я так же, как и вы, всегда считал, что мы – все-таки нечто более совершенное, чем животные. И помимо естественного отбора у нас есть еще и чувства.

- Чувства здесь, казалось бы, никто не отвергает, - продолжил он после паузы. – Родители Реба очень скорбели о его смерти. Так же, как и другие скорбят о своих умерших родных. Но, несмотря на огромную скорбь, которую просто не описать словами, они знают, что так было нужно. Вот только как можно сочетать в себе это, я и сам не представляю.

Мы надолго замолчали. Коридор сначала шел вниз, а затем снова стал ровным. Одновременно он стал загибаться влево. Наконец, я решился продолжить неприятную тему.

- Тошук, а где, с точки зрения сабинян, находятся души умерших? Если они никак не сопоставляются со своими останками, то где они? И зачем тогда нужно выкладывать в нишах скелеты?

- Кажется, нам с тобой случалось обсуждать культ Сабины. Я тогда говорил, и сейчас повторю, что всего не знаю. Вроде как Сабина – это некая свердуша, которая объединяет в себе души всех, кто здесь живет. Тоже самое касается материи: вся плоть Сабинянии и самих сабинян – это и есть Сабина. Вобщем-то, идеи не новы и свойственны как многим языческим культам, так и христианским ересям. Если я правильно понимаю, создатели нашего любимого фильма «Аватар» тоже имели в виду что-то подобное. По идее, такая концепция вообще освобождает от обязанностей как-то специально погребать умерших. При жизни человек – это каким-то образом обособленная часть общей души, Сабины. Может, это даже иллюзия обособленности, если истинное состояние – единство. Со смертью человека обособленность заканчивается, и его душа присоединяется к единой душе, а плоть, соответственно, растворяется в единой плоти.

- При этом Сабина не объемлет весь мир, - добавил я. – Как я понимаю, ее «мегатело» заканчивается стеной. Ну и душа, понятно, состоит только из «своих».

- Интересно, насколько глубоко под землю уходит ее тело? – спросил Ержи. Он чудо как быстро забывал пережитое смущение. – Но, сдается мне, что здесь мы еще внутри Сабины!

- Зачем же они все-таки погребают мертвых? – настаивал я.

- А знаешь, я думаю, это просто остатки прежней постхристианской традиции. - Тошук повернулся ко мне. - От нее трудно избавиться, как ни старайся: миновало ведь только три поколения. К тому же сабиняне все время соприкасаются с ней через интернет. Поэтому возникает противоречие. В культе останков, с точки зрения сабинянской веры, нет смысла. Но они все же почему-то не сваливают их в общую кучу и не дробят лопатами, что было бы логично, а аккуратно выкладывают в нишах. Хотя и безымянных.

Коридор продолжал изгибаться, и тут я увидел – точнее, сначала только почувствовал – что откуда-то слева в черную мглу вливается серая. Там наверняка был источник света. Темнота все больше разбавлялась, и вот вдалеке показалось маленькое белое пятнышко. Мы сразу прибавили шагу. Пятно становилось все больше, превращаясь в дверной проем, за которым было солнце, шелест листьев и звуки жизни. Солнечные лучи осветили стены коридора – здесь они уже не были такими сырыми. Мы потушили ставшие ненужными лампы.

- Уфф… Если честно, в какой-то момент я стал сомневаться, что мы отсюда выберемся! – воскликнул Ержи.

На сей раз он не шутил.

http://tl.rulate.ru/book/60095/1565124